

Лидия Чарская

Лесовичка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Ч-22   Чарская Л.
Лесовичка / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 196 с.

ISBN 978-5-4241-2812-7

В начале XX века произведения Л. Чарской (1875–1937) пользовались необычайной популярностью у молодежи. Ее многочисленные повести и романы воспевали возвышенную любовь, живописали романтику повседневности гимназические и институтские интересы страсти, столкновение характеров. О чем бы ни писала Л. Чарская, она всегда стремилась воспитать в читателе возвышенные чувства и твердые моральные принципы.

ISBN 978-5-4241-2812-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Алексеевна Чарская
Лесовичка

*Дорогому, единственному моему
Юрику посвящаю эти повесть*

...тогда оживал старый лес. Светляки зажигались в траве, и кузнечики пели на былинках. Луна всходила. Голубые эльфы кружились в воздухе, нарядные и нестрые, как мотыльки...

И праздник начинался...

Из чащи непроницаемой выходили старые, хромые лешие, с козьими ногами, и молодые, стройные, смуглые лесовички, зеленокудрые, с глазами темными, как ночная мгла, с косами до пят, с хищной улыбкой, угрюмо и дико еселящиеся... И русалки из топких озер, подруги тех зеленокудрых царевен леса, угрюмых и страшных лесных сибилл, смеясь, выплывали...

И праздник начинался...

Отрывок из неизданной сказки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В РОЗОВОЙ УСАДЬБЕ

Глава I

Смертельная опасность. — Выстрел

— Остановите их! Остановите! — пронзительно резко пронесся по лесу громкий, отчаянный вопль.

Но никакие силы не могли бы остановить вихрем мчавшейся тройки. Внезапно разыгравшаяся гроза с громовыми ударами и зигзагами молний привела в неистовое бешенство коней. Они сломя голову неслись все вперед и вперед, с каждой минутой все ускоряя бег. Кучер едва удерживал вожжи и, до хрипоты надрываясь, кричал на одичавших от страха животных.

Когда огненные иглы молний прорезали черное небо, освещая на короткие мгновения лес, из коляски выглядывало смертельно бледное лицо молоденькой девушки, а рядом с ним не менее взволнованное лицо пожилого мужчины.

— Папа! папа! Если Андрон не удержит коней — мы погибнем... Ведь здесь должна быть неподалеку Чертова пасть... Это ужасно! ужасно! — исступленно звенел все тот же срывающийся, испуганный и дрожащий голосок.

— Успокойся, Ната! Успокойся, моя девочка. Бог даст, мы...

Но голос мужчины сорвался, не договорив фразы. Новый, еще более отчаянный удар грома потряс лес с его вершины до основания. В тот же миг лошади рванулись вперед со страшной силой и понеслись без удержану.

— Мы погибли! — вырвалось новым воплем из глубины коляски. — Мама! Верочка! Наль! Не увижу вас больше... Никогда... никогда... — рыдал, срывааясь на каждой ноте, вымученный ужасом тонкий голосок девушки.

Тьма ночи исчезала и снова чернела; свет менялся со мглой, как бы играя в ужасную, злодейскую и стихийную игру. Великаны-деревья шумели глухо и зловеще. А там, невдалеке, в восьми или десяти саженях, зияла страшным, бездонным глазом Чертова пасть, огромный и глубокий обрыв, скорее пропасть, скрывавшаяся в глубине лесной чащи.

Лошади неслись прямо к обрыву. Еще минута — и коляска с путниками должна была неминуемо исчезнуть в бездонной пропасти. Об удерже коней не могло быть и речи... Экипаж, увлекаемый ими, мчался, как жалкая игрушка, туда, к гибели и смерти, все вперед и вперед... Отчаянные вопли теперь непрерывно звучали из коляски...

Кучер едва держался на козлах, ухватившись за края их обеими руками, предоставив полную волю лошадям, не будучи в силах их удержать.

Вот они уже в пяти шагах от Чертовой пасти, близости которой не чуют разгоряченные скачкой лошади... Еще ближе... Еще... «Сейчас... Вот... смерть безвременная... ужасная... неизбежная...» — мелькает в голове путников, затихших в глубине коляски...

Вдруг...

Сухой треск... Крик у обрыва... И неожиданно, среди затихшей на мгновение грозы, раздался по лесу гулкий выстрел. Коренник тройки сделал отчаяннейший скачок и, бессильно повиснув на дуге, стал тяжело припадать к земле всем своим сильным туловищем. Теплая, липкая струя потекла у него по лбу.

Коренник был мертв, сраженный меткой пулей. Две другие лошади стали на месте, тяжело дыша, роняя пену и издавая продолжительное хрипение...

Облегченный вздох вырвался из груди спутников, сидевших в коляске.

— Андрон, откуда этот выстрел? Кто стрелял? — окликнул кучера дрожащий голос.

Тот уже сполз, чуть живой, с козел и возился около мертвого коренника, распягая тройку... Спасение поспело вовремя... Коляска находилась всего в двух аршинах от крутого ската Чертовой пасти.

— Эй, кто тут? — крикнул Андрон, чуть различая во тьме шевелившуюся тут же у пропасти черную, небольшую фигуру. — Зачем стрелял? Эй! Кто ты?

Черная фигура, стоявшая у самого края обрыва, зашевелилась, потом опустила еще дымившееся ружье, и из-под черного непромокаемого кожуха с капюшоном прозвучал тихий ответ:

— Надо было стрелять... Иначе бы вы все туда... в пропасть... А от выстрела кони опомнились... стали... Досада только: нечаянно убит коренник... Не хотелось... Что делать... пришлось пожертвовать лошадью...

Голос звучал неровно и глухо, точно перепуганный или взъявленный всем случившимся.

— Спасибо!.. спасибо!.. Бог с нею, с Буланкой!.. Вы нас всех спасли... Сам Господь надоумил вас стрелять, — горячо отвечал мужчина, выскачивая из коляски. — Мы вам обязаны жизнью... Скажите же, кто вы?.. По росту и голосу мальчик... ребенок... Как тебя зовут, голубчик? — ласково заключил он свою речь.

Но черная фигурка молчала.

Андрон между тем сутился около убитой Буланки.

— Ох, ты, горюшко-горе... Знатный был конек, — растерянно лепетал он себе под нос. — И как тебя угораздило прямо в морду стрелять?.. То ли бы дело в ноги... Жив бы остался конек... А то в лоб! Эх, эх, каверзное дело убыток какой вышел... Барин, ваше сиятельство, большой убыток, батюшка граф...

— Молчи, Андрон! Он нам жизнь спас, этот выстрел, — строго прикрикнул тот, кого кучер почтительно называл «вашим сиятельством» и «графом».

Затем он снова обратился к черной фигурке:

— Да скажи же мне твое имя, мальчуган, чтобы я знал, кому мы обязаны жизнью. А завтра, чуть свет, приходи в Розовое... Я отблагодарю тебя щедро...

Но черная фигурка по-прежнему молчала.

Андрон между тем отпрыгнул лошадей. Тяжело хлопнулась о землю мертвая голова Буланки, до этой минуты висевшая на упряжи дугой. С диким хрипением две другие лошади попятились назад. Андрон впряжен одну из них на место убитой, другую к «пристяжке» и, объявляя, что все готово и можно ехать дальше, подошел к своему господину, все еще в недоумении стоявшему перед погруженной в молчание таинственной фигуркой.

— Ну, чего заупрямился? Говори, что ли, кто ты есть, безъязыкий ты этакий! — с суровой ласковостью обратился к своему незнакомому спасителю Андрон.

В ту же минуту, после долгого промежутка времени, внезапно снова блеснула молния. Блеснула и озарила сиятельного господина, дорожную коляску и мертвую лошадь у ската в обрыв...

Осветила она и черную фигурку в кожухе, с ружьем в руках, смуглого, юное

Молнія освітлила чорну фігуру на конях...

личико, спутанные, черные кудри, быстрые, черные, угрюмо горящие глаза и взгляд дикого зверька под густыми нахмуренными бровями.

— Лесовичка! — неожиданно испуганным звуком вырвалось из груди Андриона, и он попятился на два шага назад.

Черная фигурка отпрянула в сторону и быстро исчезла в кустах...

Глава II

После грозы

Гроза затихла. Дождь перестал. Коляска, запряженная уже только парою лошадей (мертвого коренника оставили на краю обрыва), тихо и мерно катилась по лесной дороге.

Молчала ночь...

А в это время черная фигурка с ружьем в руке бодро шагала от Чертовой пасти в глубину лесной чащи.

Черная фигурка сбросила с головы клеенчатый капюшон и, подставив свою разгоряченную голову навстречу свежей июльской ночи, с наслаждением вдыхала разом очистившийся от духоты воздух.

— Жаль лошади, — размышила фигурка. — Да что делать? Граф прав: лучше было одну Буланку, нежели всех их отдать смерти... Как хорошо, что подоспела вовремя!.. Точно сила какая-то к Чертовой пасти меня толкала... И ружье как нарочно взяла... А тут гроза внезапно и «они»... Жаль, что не удалось повидать как следует молоденькую графинюшку... Виктор говорил красавица... Верно, хотя белая, что бумага... Ах, только плохо, коли дядя ружья хватится... Ругать станет... Поди, еще спит... Опять не в своем виде вернулся из деревни... До завтра проспит... А ловко попало!.. Хлоп на месте! Прямо в лоб... Кучер испугался, как увидел: «Лесовичка!» кричит... Глупый! Небось, теперь наврет с полкороба своему графу, что я и грозу-то на них наслала... Лесовичка ведь я... колдовское отродье!.. Ха, ха, ха! Ха!

Громкий, резкий смех внезапно нарушил мертвеннутишину леса. Дико и странно прозвучал он. Ему ответили бесчисленные отголоски эха из глубины чащи. Точно тысячи черных духов ночи запели в лесу свой зловещий и страшный гимн.

Неожиданно, когда последняя нотка еще дрожала в ночном воздухе, перед черной фигуркой, как из-под земли, вырос в темноте кто-то огромный, широко-плечий.

— Кто тут шляется? а? — прогремел над нею зычный и грубый голос.

— Это я, дядя, я!

— Что за дьявольщина! Ксанька! Что ты не спишь, ночная сова?

Фигурка сделала было скачок в сторону, как бы желая укрыться.

«Ружье сейчас заметит, беда!» — вихрем пронеслась в мозгу испуганная мысль.

Но было уже поздно. Огромный человек нашупал в темноте знакомый ствол ружья и разразился целым потоком браны и проклятий.

— Украда! Стянула-таки! Постой же, погоди ты, подлая девчонка! Я ж тебе задам! Попляшешь ты у меня!.. Потеряешь охоту таскать чужое добро, дрянь ты этакая!..

И вырвав грубо ружье из рук опешившей фигурки, огромный человек изо всей

силы толкнул ее вперед.

Пролетев от него несколько шагов с вытянутыми вперед руками, фигурка уткнулась ими во что-то, бесшумно поддавшееся, и очутилась на полу, в слабо освещенной лесной сторожке, незаметно приотившейся среди кустов.

Глава III

Обитатели лесной сторожки

— Вася!

— Ксания! Милая, что случилось? И слышал выстрел... Отец проснулся... Увидел, что нет ружья... Сразу догадался, что ты ружье взяла... Рассердился и за тобой вдогонку... Прибить грозился... Зачем ты стреляла? Зачем?

Посреди небольшой комнатки, освещенной кривобокой лампой, стоял мальчик, или, вернее, юноша, лет семнадцати, худенький, высокий и слабый, с некрасивым, изжелта бледным лицом, какие бывают у людей, съедаемых злым и упорным недугом. Но выражение этого лица было мягкое. Глубокие, печальные глаза глядели с какою-то странною тревогою на черную фигурку, внезапно очутившуюся в лесной сторожке. Юноша был хромой и с трудом передвигал ноги, но при виде черной фигурки, распростертой на полу, он сделал поспешно несколько шагов к ней, странно волоча правую ногу и сильно опираясь плечом на костьль.

Едва он успел приблизиться, как черная фигурка поднялась, вскочила и в одну минуту сорвала безобразный кожух с капюшоном. И перед взором мальчика предстало странное, не большое, но сильное существо с широкими плечами и крепко сколоченным станом, смуглое, румяное лицико, черные быстрые, исподлобья смотревшие глаза, подвижные трепещущие ноздри и густые, как шапка, кудри, черные, сухие и пышные, спускающиеся косою до пояса и струившиеся выбившимися кудерьками по плечам, вдоль щек и смуглой, загорелой шеи. Что-то не русское и в то же время своеобразно дико-красивое было в этой невысокой стройной пятнадцатилетней девочке, дышащей силой, мощью и здоровьем.

— Да, я стреляла! — произнесла она с каким-то упрямым задором, глядя юноше прямо в глаза темным сверкающим взором.

— Ксания! безумная! Из его ружья! — в ужасе сорвалось с бледных губ хромого.

— Так что же! Этот выстрел спас «розового» графа и молодую заграничную графинишу и, — не без гордости прибавила она, — убил лошадь, графского коренника. Понимаешь?

— Ты убила лошадь?

— Да! И спасла людей!

— Ты, Ксания, спасла розового графа?

— Ну, да, графа!.. Вот бестолковый!

И спешно, путаясь и сверкая глазами, та, которую звали Ксаней, рассказала, как было дело.

— «Розовый» граф ездил на станцию встречать свою «заграничную» дочку. Я знала, что они поедут мимо Чертовой пасти... Там путь на «Розовое» ближе... Ну и пошла, взглянуть было охота... А тут гроза... Лошади взбесились... и пошла потеха!..

— Но зачем же ты взяла ружье? — взволнованно высматривал хромой.

— А затем, чтобы попугать «тех», понимаешь, если бы они снова встретились на моем пути и стали бы дразнить и травить меня, как собачонку...

Глаза девочки угрюмо блеснули.

— Ксаня! — скорее простонал, нежели произнес хромой.

— Ну, да... чего ты ахаешь? Я бы стреляла на воздух, понимаешь? А «тех» трусы... Небось! сразу бы отбила охоту травить меня!

И она раскатисто засмеялась. Ее белые зубы хищно блеснули в двух полосках малинового рта.

Вдруг ее смех разом присекся, замер.

— Отец идет! — прозвенел нервно и испуганно голос хромого.

И он подался инстинктивно назад.

На пороге комнаты, заслоняя своей огромной фигурой крошечные сени лесной сторожки, стоял огромный человек в сером кафтане, обшитом по борту зеленым кантом, и в кожаной фуражке, с бляхой на груди. Его угрюмое лицо с длинной, рыжеватой бородою и неприятные блуждающие глаза, горящие сухим блеском раздражения и злобы, хранили следы гнева.

— Чего раскудахталась не в пору? — свирепо кинул он Ксане. — Говори, как смела трогать мое ружье?

И огромные руки рыжеватого гиганта упали на стройные, еще детские плечи смуглой девушки и впились в них.

— Зачем брала ружье? Говори! — и он тряс изо всей силы девочку, в то время, как мрачные глаза его сверкали, как два раскаленных угля.

Вся кровь мгновенно отлила от щек Ксении. Ее смуглое, розовое лицико стало белым как мел. Взор сверкнул из-под нависших над ними черных кудрей.

— Не смей меня трогать, дядя! — резко прокричала она, будя воцарившуюся в домике минутную тишину.

— Что-о-о-о?

И огромный человек разразился зловещим смехом.

— Ах, ты, дрянь эдакая! — кричал он, задыхаясь. Его налитые кровью глаза блуждали по комнате, точно выискивая что-то, пока наконец его взор не приметил висевшую на гвозде плетку. Сорвав ее быстрым движением, он взмахнул ею над спиной девочки... Но в это мгновение хромой юноша, спотыкаясь, чуть ли не падая, ринулся к отцу.

— Не делай этого! Не делай, отец! — умоляюще болезненным выкриком сорвалось с его побелевших губ.

— Молчать! Знай свое место, мозглик! — загремел великан, наполняя своим голосом не только лесной домик, но и весь старый лес в окружности.

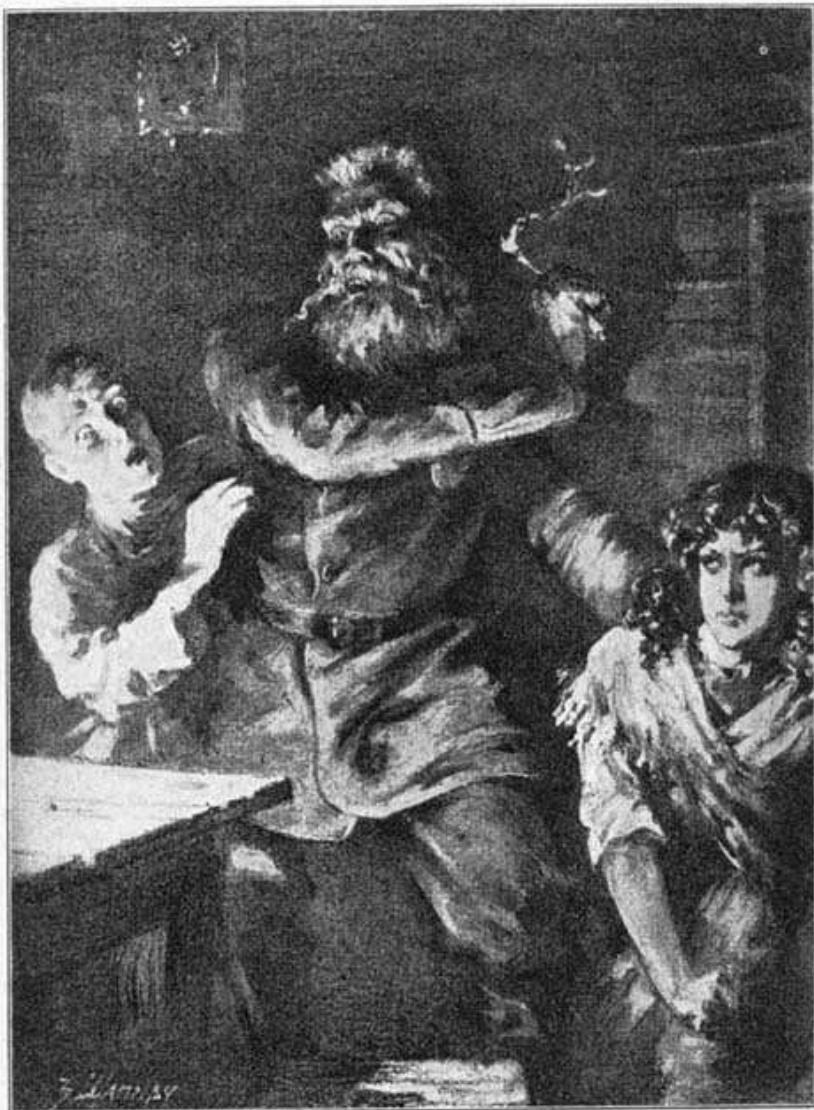
Но юноша не испугался. Он схватил огромную руку отца обеими своими худенькими руками и весь бледный шептал, срывааясь на каждом слове:

— Вспомни маму! Вспомни маму, отец! Ты не тронешь Ксаню! Не тронешь, не тронешь! Или бей меня, лучше бей меня, но не Ксаню! Ради мамы — не бей Ксаню!..

Он едва стоял на ногах и трясясь, как в лихорадке.

А Ксаня была спокойна.

Ее побледневшее лицо бесстрашно поднялось на гиганта... Два черных глаза, как две яркие, черные звезды, впивались в его лицо и, казалось, говорили:

— Молчать! Знай свое место! — закричал он...